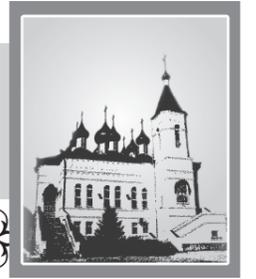

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Люди часто ругают Церковь. В этом нет ничего странного.

Ругают люди Церковь чаще всего в лице ее служителей. Извиняя себя, если не во всем, то во многом, люди склонны искать в священниках очевидной и безусловной святости, а уж коль не обретут ее (или просто не заметят), тогда только держись. Один момент в этом вопросе меня сильно интересует. А именно – критика в духе сострадания. Только такая критика нужна. Все остальное похоже на безразличную матерщину пьяного человека. Шел мимо, повстречался взглядом с тем, что не понравилось, отрыгнул ругательство, гадкое и безразличное, и побрел дальше походкой уставшего человека. Подобной словесной реакцией на окружающую действительность полны и форумы, и блоги, и некоторые печатные издания.

Чтобы не становиться в строй многочисленной армии безразличных хулителей и злых насмешников, церковную действительность нужно критиковать именно в духе сострадания. А сей самый дух вначале нужно приобрести.

Евангелие содержит один прямой призыв, который, по мере исполнения на практике, способен дать человеку и живое ощущение причастности к истории Церкви, и право критиковать Церковь и ее служителей, не впадая при этом в богоборчество или злую Хамову радость при виде чужой наготы.

Этот призыв произнесен Господом Иисусом Христом при виде толп народа, которые были изнурены и рассеяны, как овцы без пастыря (см. Мф. 9, 36). Тогда Он сказал ученикам: «Жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9, 37-38).

Будучи Альфой и Омегой, то есть началом и концом мировой истории, будучи тем, о ком сказано, что «все от Него, им и к Нему», Господь тем не менее дает людям право влиять на проповедь Евангелия и на нравственное состояние мира. Он не выводит делателей на жатву Сам, но заповедует об этом молиться.

Таким образом, как говорил Паскаль, молитва дает человеку право стать причиной. Мы уже не просто звенья в цепях от нас не зависящих причинно-следственных связей, но мы можем рвать эти цепи и сами становиться причиной благих изменений. Можем, благодаря молитве веры.

Многое из сказанного апостолам нужно расслышать как сказанное тебе лично. Например, так нужно слухом сердца услышать слова: «Примите, ядите, Сие есть

Слово пастыря

Тело Мое». И точно также нужно отнестись к повелению молиться о выведении делателей созревшие нивы. Нивы эти таковы, что сколько бы ни было на них работников с засученными рукавами, слишком много их никогда не будет. Даже если представить, что наш дезориентированный и в трех сонах запутавшийся народ в достатке получит пастырей, умеющих любить, жалеть, терпеть и молиться, нужно будет и тогда продолжать просить. Продолжать, поскольку Православие не есть вера только русского народа, а Вселенская Истина, и другие народы точно так же, как мы, нуждаются в подобных делателях. Но не будем забегать вперед и мечтать. Мечты нужно приземлять и дергать за ноги, точь-в-точь как новоназначенного подвижника, возносящегося на небо. Вопрос в данном случае похож не на то, как победить ожирение, а на то, как не умереть от истощения. Молиться Отцу Господа Иисуса Христа об упомянутых духовных нуждах нужно всем, кто любит Бога и Церковь. Но наипаче тем, кто не прочь позлословить в адрес священства и церковной жизни.

Они должны это делать для того, чтобы иметь право на критические высказывания. Чтобы, когда в очередной раз они забурчат глухо и раздраженно, что «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», и когда в ответ они услышат: «А вы молились хоть раз за Церковь, чтобы вот так ее критиковать?», – они смогли ответить: «Да, молился».

Я бы очень хотел, чтобы в подобных словесных перепалках критики Церкви были способны сказать еще больше. Например: «Я много раз по ночам, иногда всю ночь напролет, молился со слезами и болью о том, чтобы Бог дал нашему народу, нашему городу, нашему приходу достойных пастырей и проповедников. Я давал зарки и обеты, я бросал вредные привычки, делал тайные пожертвования и совершал паломничества, лишь бы Господь принял мои просьбы. Я не молился один, но звал с собой на молитву о тех же нуждах братьев и сестер по вере. Я делал все, что мог, и буду продолжать это делать. Я имею право горевать о наших церковных язвах и высказываться об этом вслух». О, как хочется услышать подобные речи! Страшно подумать и сладко представить, какие качественно иные слова зазвучат из уст не просто критика, но молящегося критика. Быть может, человек, плачущий на молитве о судьбе Церкви, и вовсе не способен на критику. Быть может, ему по душе больше молчание, как написано: «Поэтому разумный безмолвствует в это время, ибо злое это

время» (Ам. 5, 13). И действительно, в такие тяжелые времена умен не тот, кто громко говорит, а тот, кто молчит и молится. Но если этот небезразличный и молящийся человек все же способен на критику, то это должна быть по необходимости именно та критика, которой мы хотим. Ведь мы не хотим (надеюсь) всегдашнего «одобрямса» и сладко-приторных речей о том, что у нас все хорошо. До самого момента вхождения в Царство Небесное ни у человека, ни у общества не может быть все хорошо. Поэтому нужен анализ, и трезвое осмысление, и чуткое предупреждение. Нужен творческий подход к бытию с его тайнами и завязанными узлами. Это и есть критика в своем классическом истолковании, критика в режиме сострадания, в духе любви к Церкви и признания за ней достоинства Матери. Осторожное, взвешенное слово, рожденное не кончиком языка, а верующим сердцем, что может быть лучше? Мы слишком много слышим слов, имеющих целью уколоть, ударить, обсмеять, проклясть, унижить, забить гвоздь в крышку гроба, плюнуть, брызнуть не то слюной, не то ядом. И как у Некрасова «этот стон у нас песней зовется», так и у нас подобное отношение к слову признано плодом свободы слова. С такими плодами немудрено отучиться пользоваться словом как-то иначе. Немудрено отучиться словом созидать, благословлять, лечить, указывать путь и снимать боль. От проблемы пользования словом вообще вернемся к узкой проблеме, поднятой в начале.

Градус осуждения понижается ровно в ту меру, насколько человек признает себя самого виновным в происходящих негативных событиях.

Если мы недовольны священством, его поведением, качеством его служения, уровнем его образования, то следует спросить себя самого: «Молился ли я хоть раз о том, чтобы Господь вывел на жатву добрых тружеников?» Если ответ будет отрицательным, если я никогда не то, что не молился, а даже и не думал об этом, то, во-первых, часть вины, несомненно, лежит и на моих плечах, а во-вторых, никакого права на осуждение у меня нет, как у человека вполне чуждого Церкви с ее болями и радостями. Если же я начну – хотя бы изредка и пока без слез – молиться вообще и в частности о священстве, то перемены наступят странные и неожиданные. Во-первых, желание поязвить и побурчать уступит место желанию помолчать и пожалеть. А во-вторых, невесть откуда в Церкви начнет со временем увеличиваться число пастырей ревностных, сердечных, искренних, и мы не сможем этого не заметить.

Протоиерей Андрей Ткачев

недействительное – будет неправильно, так как по церковным правилам крещение через обливание и окропление, в случае необходимости, в виде исключения, допускалось. А теперь, мы дерзнем сказать, происходит злоупотребление принципом икономии.

Почему раньше говорили, что нужно причащаться лишь по разу в четыре поста?
Епископ Феофан в одном из своих писем считал практику редкого причащения неправильностью и указывал, что на Востоке причащаются часто. Святой Иоанн Кронштадтский призывал людей причащаться как можно чаще, а если человек приготовился – то на каждой литургии. Ведь сама литургия совершается для причащения народа. Если бы надо было причащаться только в посты, то в другое время литургии бы не служили. Дело в том, что люди настолько охладели к вере, что приходилось убеждать их причащаться в 4 поста, еще лучше раз в месяц, а минимум раз в год. Существовали даже правила, что человека, который не причащался в течение года, по его смерти не погребали, как отрекшегося от Христа. Поэтому надо причащаться как можно чаще, но сообразуясь со своей внутренней потребностью и обстоятельствами жизни.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Вопросы священнику

Доброго времени суток, отец Рафаил! Зачем практику крещения «обливательного» заменять «погружением», если «обливание» признается настоящим крещением?

Доброе время суток – то, когда мы делаем добро. По преданию, Христос был распят в тот час, когда пал Адам, поэтому дурное время богоотвержения стало временем спасения. Ваше пожелание доброго времени суток я понимаю как пожелание во всякое время удаляться от зла и греха, чтобы оно было добрым.

Крещение через погружение, во-первых, повторяет таинство в том виде, в котором оно было учреждено, поэтому имеет более ясную и полную историческую преемственность. Во-вторых, здесь символика обрядов с большей полнотой и мистической насыщенностью передает сущность таинства. Крещение через обливание также усваивает человеку плоды Голгофской Жертвы: искупление, прощение грехов, освящение и присоединение к Церкви. Но этот вид представляет собой как бы свернутое священнодействие. Здесь присутствует со стороны священства грех нерачности, которое, однако, не лишает крещаемого благодати. Но противопоставлять крещение через погружение крещению через обливание как действительное и

«Отдавайте все время Господу Богу нашему и оставайтесь с этим, доколе Он умилосердится над нами, не ищите ничего другого, кроме одной только милости у Господа славы.

Ты – храм Божий, не ищи места для молитвы, нужно только духовное расположение; молись в умывальнице, в дороге, на постели, и где бы ты ни был молись.

Для этого не столько нужно слово, сколько мысль, не столько простиранье рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа... Восстанай горько, вспомни о грехах своих, возри на небо, скажи умом: «Помилуй мя, Боже», – и кончена молитва твоя. Кто сказал «помилуй», тот сделал исповедь и сознал грехи свои, потому что желает помилования свойственно согрешившим» (Свт. Иоанн Златоуст, ок. 347-407).

«Хозяйственные дела могут извинять только недолгое стояние на молитве, а оскудение внутренней молитвы извинять не могут. Господу не много угодно, но хоть не многое, но от сердца.

Надобно в продолжение дня чаще к Богу из сердца взывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, например, говори: благослови, Господи! Кончаешь дело, говори: «Слава тебе, Господи», – и не языком только, но и чувством сердца. Страсть какая подымается, говори: «Спаси, Господи, погибаю...» Но чтоб душа так взывать стала, надобно наперед заставить ее все обращать во славу Божию – всякое свое дело, большое и малое... При каждом деле вспомним о Боге, и вспомним не просто, а с опасливостью, как бы не поступить в каком случае неправо и не оскорбить Бога каким-либо делом. Но чтоб и это, т.е. делание всего во славу Божию, душа исполняла как должно, надобно настроить ее к сему с раннего утра – с самого начала дня, прежде чем «изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера» (Пс. 103, 23)» (Свт. Феофан, Затворник Вышенский, 1815-1894).

«Люди впади в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы, или вовсе не имели и не имеют его, короче оттого, что не молятся. Боголюбивая душа не может жить без молитвы, как мы не можем жить без воздуха, и любит ею заниматься более, чем каким-либо иным занятием. Сердце наше ежедневно умирает духовно смертью. Теплая слезная молитва есть оживление его, начинающееся дыхание его. Если не молиться ежедневно с теплотою духовно, то легко скоро умереть духовно» (Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).

Новости Православия

31.07.2015. В Сумской области из-за удара молнии сгорел старинный храм.

Храм Параскевы Пятницы был построен в 1685 году и является памятником старины и архитектуры. Последняя реконструкция проводилась в 1903 году. По данным пресс-службы Сумской епархии, богослужения в церкви давно не проводились из-за аварийного состояния здания. Православная община молится в приспособленном помещении молитвенного дома.

02.08.2015. В Тернопольской области 5 тысяч человек прошли крестным ходом с Почаевской иконой Божией Матери. 5 тысяч паломников вместе с наместником обители митрополитом Почаевским Владимиром и братией лавры прошли тем путем, по которому 418 лет назад чудотворный образ Почаевской иконы прибыл в святую обитель.

03.08.2015. В Армении на военной базе в Гюмри в честь св. кн. Владимира освящен автомобильный храм. В соответствии с литургической традицией Православной Церкви, алтарная часть храма находится под «сенью», что было учтено при инженерной разработке. Кроме того, автохрам оборудован выдвижным престолом (закреплен на салазках) и электрооборудован (чайник, электропечь для разжигания угля), адаптированным к 12-вольтовой генератору автомобиля.

04.08.2015. Сотни москвичей почтили память протоиерея Валентина Амфитеатрова. В этом году сотни людей пришли на богослужение в кладбищенскую церковь и к могиле московского пастыря, почитаемого за праведную жизнь. После Божественной литургии в храме Воскресения Словущего, которую возглавил настоятель храма игумен Петр (Еремеев), состоялся крестный ход к могиле приснопоминаемого отца Валентина.

« Райские хутора » и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Сила немощи

Заехал в монастырь переночевать и попал на именины к настоятелю. Праздновали, конечно, днем, а за ужином доедали остатки рыбного пирога – других следов торжества не осталось. Потом пошли на озеро, прогуляться. Собственно, озеро находилось несколько в стороне, но один из его заливов прикинул к стенам обители. Там на берегу стояли скамейки, на которых, как можно было предположить, любили отдыхать немногочисленные насельники. Мы разместились – свободно и даже как-то вразброс, чтобы сохранять уединение, но при этом видеть и слышать друг друга.

Настоятелем был пожилой игумен, присланный из большого монастыря. К послушникам, независимо от их возраста, он относился как к малым детям, называл их разбойниками, непослушниками и другими подобными именами, сохраняя при этом строгость в служебных и деловых отношениях.

Справа от него сидел худощавый смиренный с большими, как блюдца, не то серыми, не то голубыми глазами. Он, как мне рассказал настоятель, был из старообрядцев, северяннин. Вчера он спас отрока: деревенский парнишка проверял отцовские сети да зацепился, выпал из надувной лодки и стал тонуть... Этот, с глазами, как блюдца, услышал крики, прибежал, сплавал, успел...

Не знаю уж, сколько времени провели мы так в тишине и в созерцании осеннего вечера, как вдруг смиренный предупредил:

– Сейчас случится сражение, – и указал на гусей, заплывающих в наш залив.

Настоятель вопросительно посмотрел на него.

– Это – стадо с сахарного завода. В нем, наверное, голов сорок или пятьдесят.

– Ну и что? – не уразумел настоятель.

– А то, что залив принадлежит гусям деревенским, – вон они, семь штук, у берега плещутся...

И описал надвигающиеся события. Похоже, он хорошо знал законы животного мира, потому как грядущая эпопея развивалась в точном соответствии с его предсказаниями.

Как только деревенские заметили вторжение неприятеля, все они вслед за своим вожаком бросились наперерез. Сахарозаводчики смотрели на это с явным высокомерием, однако приторнозили. Достигнув агрессора, малое стадо бесстрашно вклинилось в середину толпы и стало яростно молотить во все стороны. Мощные гусаки противника, небрежно уклоняясь от беспорядочных и суматошных атак, наносили в свой черед удары такой сокрушительной силы, что от деревенских перья летели. Однако ярость защитников, не щадивших своего живота, таила в себе непредсказуемые угрозы, и чужаки стали отступать к противоположной стороне залива. Наконец, лениво отбиваясь, они вышли на берег, но и там, на земле, преследование продолжилось, и оба войска исчезли с глаз.

– Что ж они такие опасливые? – спросил настоятель.

– Не опасливые, – отвечал наш прозорливец. – Они, конечно, сильнее, но для деревенского стада этот залив – свой. Можно сказать, родина. И они будут биться насмерть. Заводские – сильные, наглые, но такой народ перья терять не любит.

Тут наконец вернулись победители: впереди шел вожак, молча, а за его спиной все обсуждали закончившуюся баталию. Спустились в воду, направились в глубь залива, где стояла маленькая деревенька, и долго еще мы слышали их разговоры и восклицания...

– Конечно, это всего лишь птицы, но «всякое дыхание да хвалит Господа», а потому и сей пример свидетельствует: не в силе Бог, а в правде, – заключил настоятель.

Интересно, что следующий день подарил мне еще одну иллюстрацию к рассуждениям о силе и о победах. И на сей раз не на птичьем примере, а совершенно из человеческого бытия.

Наутро, когда я готовился уезжать, смиренный шепотом попросил меня отслужить при первой возможности благодарственный молебен.

– А по какому поводу?

– Да я, батюшка, плавать не умею несколько: у меня на родине вода ледяная – не для купания.

– Так как же ты?..

– Не знаю.

– А отчего не сказал отцу настоятелю?

– Неловко: будто я в чудотворцы стремлюсь...

– А разве не чудо? В подражники, в сапогах, вода холодная, плавать не умеешь – и парня спас...

– Не знаю, батюшка, сам не знаю, как получилось: ни сил, ни умения у меня для такого действия нет. Думаю, Господь хотел сохранить мальчонку – и сохранил. А что я немощен, это для Бога пустяк: сила Божия, как известно, в немощи совершается.

Святой

Есть такой тип церковных тетушек: ездят с прихода на приход, ссылаясь на чьи-то благословения, передают батюшкам приветы неведомо от кого, поклоны от незнакомых братий и сослужителей и рассказывают всякие новости: рассказывают, рассказывают... Ну, думается, коли уж такие тетушки есть, наверное, они зачем-то нужны. Впрочем, не знаю. А один старый архиерей – кстати, весьма серьезный философ – называл их «шаталова пустынь» и утверждал, что они, напротив, ни для чего не нужны. Поди разберись тут...

И вот три такие тетушки заявили в храм к моему приятелю, когда мы как раз собирались уезжать в Троице-Сергиеву лавру. «Благодать-то какая, – говорят, – и нас возьмите!» Посадили их на заднее сиденье.

Дорогою двое из них тараторили не переставая. Сначала сказали, что приехали по рекомендации Виктора из Псковских Печор, с которым приятель мой будто бы служил в армии. Тот вспоминал-вспоминал, и что-то плохо у него получалось: немудрено – все ж таки прошло тридцать лет... Потом нам поведали, что у диакона Николая из какой-то епархии родился четвертый сын, а у протоиерея Петра – восьмая дочка. Мы очень порадовались за отцов, о существовании которых даже не подозревали и которые между тем настругали столько детишек. Далее начались рассказы о мироточениях и других чудесах, перемежавшиеся разными сплетнями, так что пришлось тему разговора сменить:

– А что это подружка ваша молчит? – спросил мой приятель.

– Да она только начала воцерковляться: еще стесняется батюшек, – в суетливости своей они не заметили, что добродетельную скромность поставили человеку в укор...

Однако тут же набросились на попутчицу с уговорами и увещеваниями. Некоторое время она сопротивлялась, повторяя: «Да кому это интересно?» – но в конце концов согласилась рассказать какую-то свою историю.

Дело происходило в конце пятидесятых годов, когда рассказчица была студенткой. Жила она тогда в Симферополе. Случилось с ней сильное недомогание, и отвезли ее на «скорой» в больницу. И вот лежит она в приемном покое и час, и другой, и третий... Сознание временами стало покидать ее, а возвращалось все реже и реже...

Вдруг сквозь мглу, сквозь пелену видит она: спускается по лестнице старичок в белом халате. Медленно спускается, осторожно, перила цепко так перехватывает... Подошел он, склонился над ней, – а глаза у него – белесенькие, словно слепые. И спрашивает дежурную медсестру:

– Давно привезли?

– Часа три, наверное, если не больше.

– А почему не оперируют?

– Партсобрание ведь! Отчетно-выборное! Не велели тревожить ни в каком крайнем случае.

Он приказал:

– Быстро в операционную! – и добавил: – Ей осталось жить двадцать минут...

Здесь сознание снова покинуло умирающую. Очнувшись она уже в операционной: на стене висела икона Пресвятой Богородицы, и слепенький старичок молился перед этой иконой...

– Я успела подумать, – вспоминала рассказчица, – что мне страшно не повезло: мало того, что хирург – слепой, так еще и время теряет, хотя сам сказал, что осталось двадцать минут. И вдруг я – безбожница, комсомолка, выбросившая бабушкины иконы, – взмолилась: «Пресвятая Богородица, спаси!» Я знаю, что говорить не могла, – рот у меня пересох и губы не шевелились, я обращалась к Богородице мысленно, но старичок, по-

дойдя ко мне, сказал: «Не тревожься – спасет»...

Операция прошла замечательно, и большую через несколько дней выписали. Спустя годы узнала она, что оперировал ее Симферопольский архиепископ Лука – великий хирург Войно-Ясенецкий... Святой... Такая история.

В лавре мы с приятелем занялись своими делами, а тетушки отправились восвояси.

Впоследствии рассказчица стала монахиней одного из женских монастырей. А подружки ее все спуют по приходам.

Одна забота

К моему знакомому приехала тетка из Крыма и попросилась в Троице-Сергиеву лавру. Я в эту пору находился в Москве. Он позвал меня, отправились вместе. Только миновали ворота – тетка в слезы: оказывается, племянник не крещен и, стало быть, помолиться за него нельзя.

– Старшие сестры у него крещенные, а когда этот родился, батюшки уже не было. Каждое утро за всех родственников молюсь, всех поминаю и сейчас вот записочки в монастырь привезла: всех вписала, кроме него, – одна у меня забота...

Поклонились преподобному Сергию, подали записочки, отстояли службу. Тетка собралась причаститься, а монахи помогли устроить ее на ночлег к какой-то старушке. Мы с некрещеным племянником повернули обратно. На другой день он снова съездил туда и привез радостную паломницу.

Шло время. Знакомец мой проявлял опасную нерешительность в главнейшем вопросе нашего бытия. Сначала он придумал, что будет креститься лишь у меня, но поскольку я служил далеко от Москвы, ничего не получалось. Потом я возвратился и поступил в собор, находившийся рядом с домом знакомого: он ни разу не зашел на службу и вообще стал избегать меня. Церковные люди доподлинно знают, кто именно мешает человеку принять крещение, исповедаться, причаститься – иначе говоря, соединиться с Богом: лукашки да окашки...

Однажды, находясь в Крыму, я решил разыскать тетку-паломницу, благо адрес ее каким-то образом в памяти моей сохранился. Путешествовали мы с друзьями от храма к храму, от монастыря к монастырю и завернули в малую деревеньку. Прохожие указали домик. Постучал в калитку – никто не отвечает, однако слышен громкий мужской разговор. Прохожу во двор: дверь распахнута настезь, сидит на кровати постаревшая тетка, в руках – Евангелие, сама – спит. А из репродуктора во всю мощь – заседание украинского парламента, причем один скороговоркой спрашивает по-украински, а другой так же лихо отвечает ему по-русски... Выключил я радио, разбудил тетку, побеседовали.

– Живу, – говорит, – хорошо, слава Богу. Ни разу еще без ужина спать не легла. Одна забота: как бы там племянника окрестить... Вы уж постарайтесь, пожалуйста, а то ведь случится что – никто уже никогда помолиться не сможет... Он ведь добрый, из православной семьи, учился отлично и в армии служил хорошо. Потом пошел по комсомольской линии – беда, конечно; комсомольские начальники хуже партийных: партийным хоть за что-то отвечать приходилось, а у этих одна болтовня... Из райкома – в газету и доработался до Москвы... Мы вообще-то костромские, я сюда попала после войны – уж так жизнь сложилась. Ни мужа, ни детей у меня, да и вообще никакой родни, кроме племянника, на земле не осталось – всех пережила. Тяну из последних сил: жду, когда он примет крещение. Тогда скажу Господу: «Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему, с миром», – и на вечный покой. Только одна забота у меня, только одна, поверьте...

Верю.

Указание

Хоронили старушку. Зимой. Кладбище старое, тесное, между оградками не протиснешься. Худощавые рабочие пролезли еще к могиле, а полнокровный бригадир стоял возле нас, на асфальтированной дорожке. Народу было немного – человек десять. Это вместе со мной и тремя певчими. Служим, а я думаю: как же гроб-то через эти узкости тащить? Да и вообще, для чего оградки существуют? На новых кладбищах их нет, на старинных – тоже, когда же все это уродство появилось? В двадцатом веке, наверное... Частокол из металлических прутьев, крашенных преимущественно голубой и серебряной краской. Разве что нашему брату удобно – есть куда кадило повесить, оно всегда под рукой.

Продолжение следует

Отметим

Во времена святителя Иоанна Златоуста при дворе императора Аркадия был сильный и славный вельможа Евтропий. Он старался убедить царя издать указ об отмене разрешения использовать церковь как убежище для совершивших какое-либо преступление. Право убежища, данное святым благоверным царем Константином, возвышало значение Церкви Христовой перед лицом язычников и в то же время было благотворно для преступников, которые, прибегая под покров церкви и оставаясь неприкосновенными, познавали благодать Искупителя, не хотящего смерти грешника, и слезами покаяния омывали свое преступление. Святитель Иоанн Златоуст как верный страж дома Божия со всей силой восстал против незаконного вмешательства Евтропия в дела Церкви. Из-за этого он навлек на себя гнев этого вельможи и терпел от него многие обиды. И что же? Евтропий вскоре подвергся столь тяжкому обвинению, что был лишен власти и осужден на смерть. Нигде не было ему защиты и спасения, кроме Церкви, права которой он пытался незаконно ограничить. В смертельном страхе Евтропий поспешил воспользоваться правом убежища в Церкви. В то время, когда святитель Иоанн Златоуст совершал службу и проповедовал, падший вельможа прибежал и скрылся в алтаре. Святитель Христов не отверг своего прежнего противника и досадителя, не отлучил и не отогнал от алтаря разорителя церковных прав, но в своей проповеди тут же изложил поразительный случай превратности человеческой жизни и вселил в сердца слушавших жалость к вельможе.

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

П р а в о с л а в н ы й к а л е н д а р ь

9 авг., вс. – Неделя 10-я по Пятидесятнице. Вмч. и целителя Пантелеимона (305). Прп. Германа Аляскинского (1837). Прп. Анфисы исп., игуменни и 90 сестер ее (VIII). Равноап. Климента, еп. Охридского (916). **Собор Смоленских святых.**

10 авг., пн. – Апп. от 70-ти Прохора, Никанора, Тимона и Пармена диаконов (I). **Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия» (Путеводительница)** (принесение из Царьграда в 1046 г.). Свт. Питирима, еп. Тамбовского (1698). **Собор Тамбовских святых.**

11 авг., вт. – Мч. Каллиника (III-IV). Мц. Серафимы девы (117-138). Мц. Феодотии и трех чад ее (ок. 304). Мч. Евстафия Мцхетского (589) (Груз.). Прмч. Михаила (IX). Прпп. Константина и Космы Косинских, Старорусских (XIII). Прмчч. Серафима и Феоноста (1921).

12 авг., ср. – Апп. от 70-ти Силы, Силуана, Крискента, Епенета и Андроника (I). **Мч. Иоанна Воина (IV).** Прп. Анатолия Оптинского, Младшего (1922). **Собор Самарских святых.**

13 авг., чт. – Прав. Евдокима Каппадокиянина (IX). Мц. Иулитты (304-305). Прмч. Дионисия Ватопедского (1822) (Конст.). **Сщмч. Вениамина, митр. Петроградского и Гдовского, и иже с ним убиенных сщмч. архим. Сергия и мчч. Юрия и Иоанна (1922).**

14 авг., пт. – Происхождение (изнесение) честных древ Животворящего Креста Господня. Празднество Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице (1164). Семи мучеников Маккавеев, матери их Соломонии и учителя их Елеазара (166 до Р.Х.).

15 авг., сб. – Блж. Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца (1552-1557).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!